

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации ДАВЫДЕНКОВА Олега Викторовича
«Христологическая система умеренного монофизитства и
ее место в истории византийской богословской мысли»,
представленной на соискание ученой степени доктора
теологии по специальности 26.00.01 – «Теология»

Представленная к защите на соискание ученой степени доктора теологии диссертация отца Олега (Давыденкова) «Христологическая система умеренного монофизитства и ее место в истории византийской богословской мысли» является произведением эпохальным в становлении отвечающей требованиям современности парадигмы гуманитарного знания в постсоветской России. Речь идет не только и не столько о формальном аспекте данного события – первой в отечественной истории докторской диссертации по специальности «Теология», включенной в «Номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» (согласно приказу Минобрнауки РФ от 23.10.2017 г. № 1027), но и о его сущностной составляющей: в рассматриваемой работе теология зримо показано как высший синтез философии, филологии (классической и сирологии), источниковедения, текстологии, культурологии, всеобщей и церковной истории, в процессе достижения которого доктринальные вопросы многократно поверялись разносторонним фактическим материалом. Докторская диссертация отца Олег предстает как продолжение лучших традиций отечественной православной богословской мысли (развитие которых по понятным причинам прервалось на семь с лишним десятилетий), прежде всего, тех, что были заложены более века назад членом-корреспондентом Императорской Академии наук, профессором Василием Васильевичем Болотовым (1854–1900), Ссылки на его «Лекции по истории Древней Церкви» и статьи вполне закономерно часто встречаются на страницах оппонируемой работы. В то же время

вынесенное на защиту исследование весьма актуально и нацелено в будущее, поскольку проблематика христологических споров в Византии эпохи Вселенских Соборов выходит за рамки фундаментальной науки (будь то философия или церковная история), приобретая в наши дни заметное общественно-политическое звучание. Как известно, статья В.В. Болотова «К вопросу о соединении абиссин с православной Церковью» (Христианское чтение. 1888. № 1–2. С. 450–469) явилась откликом на рост симпатий в российском обществе по отношению к эфиопам, попавшим под жернова итальянской колониальной экспансии. В наши дни жертвами исламских террористов все чаще становятся копты, а сиро-яковиты в числе прочих христиан Сирии подвергаются настоящему геноциду. Вполне естественное сочувствие этим монофизитам порождает стремление уврачевать схизму, а сделать это без скрупулезного изучения ее истоков не представляется возможным.

С учетом того, что подавляющая часть современных монофизитских Церквей относится к направлению умеренного монофизитства, одним из наиболее ярких представителей которого, заложивший его базовые принципы, по праву считается Севир Антиохийский, воззрения этого мыслителя и стали объектом пристального критического рассмотрения в диссертации отца Олега. А поскольку и он сам, и его последователи считали его продолжателем богословско-полемических традиций неумоимого борца с несторианством, прославленного отца Церкви, свт. Кирилла Александрийского, то сравнительный анализ учений этих двух выдающихся мыслителей стержнем проходит через всю диссертацию, завершая, в виде таблицы (с. 422–427) ее основную часть. Эта же таблица как квинтэссенция работы с полным на то основанием целиком включена в автореферат (с. 48–51). Следует отметить, что и

диссертация, и адекватно отражающий ее основные положения автореферат отличаются хорошо продуманной структурой.

В главе 1 «Понятийно-терминологическая система умеренного монофизитства» рассмотрено место севирианства среди других монофизитских доктрин, показано, как и почему «из множества направлений внутри монофизитского движения умеренное севирианское монофизитство фактически оказалось единственным, которое смогло сохраниться до нашего времени в весьма непростых исторических условиях» (с. 45). Центральное внимание по праву уделено понятиям «сущность», «ипостась», «лицо», «сила», «энергия», причем не только их соотношениям в творчестве Севира Антиохийского (а также выработанным им представлениям о самобытных и несамобытных ипостасях), но и особенностям их употребления у языческих, древнехристианских авторов и представителей халкдонитской традиции V–VI вв. Среди последних заметное место отведено Леонтию Иерусалимскому, датировка творческой активности которого 1-й половиной VI в., а не 1-й третью VII в. убедительно доказана на основании имеющихся источников в Приложении 1 «К вопросу о времени жизни Леонтия Иерусалимского» (с. 475–491). Необходимым и удачным дополнением к главе 1 служит «Сводная таблица богословских терминов», вынесенная в Приложение 3 (с. 523–525).

Термин «воипостасное» и концепция «воипостаной сущности» служат связующим звеном между главой 1 и главой 2 «Философские аспекты христологических споров». В ней доказано, что «христологические дискуссии эпохи Вселенских Соборов не ограничивались только теологической проблематикой, но имели также и существенный философский аспект» (с. 250) и что в ходе них представители именно дифизитской традиции VI–VII вв. (а не

несторианской и не умеренно-монофизитской) установили четкое различие между понятиями «природа» и «ипостась», а также выработали концепции «воиспостасного», «природы в неделимом» и «сложной ипостаси». На фоне явного интеллектуального лидерства сторонников Халкидонского Собора в сфере философского дискурса жалкими выглядит любомудрствование Севира и его последователей, полное логических нестыковок, подмены понятий, терминологической неряшливости. Через диссертации отца Олега красной нитью проходит мысль о том, что ересь – это не столько пагубное инакомыслие, сколько плохая философия. Весьма показателен в этой связи приведенный им пример двух видных севирианских богословов – ритора Прова и архимандрита Иоанна Барбура, которые «пришли к заключению, что, принимая различие во Христе между человечеством и божеством на уровне природного качества, следует допустить и распределение этих природных качеств между божеством и человечеством», а, значит, «в соответствии с числом свойств, необходимо исповедовать во Христе и две различных природы». Так, основываясь на чисто рациональных доводах, оба мыслители перешли на сторону Халкидона (с. 361, примеч. 1). Как тут не вспомнить В.В. Болотова, который непререкаемыми предпосылками соединения эфиопов с православием считал «постепенное повышение умственного уровня этой страны», «доступ к святоотеческой письменности» (причем в греческом оригинале) представителей абиссинской науки и выработку у них навыков критического мышления (*Болотов В.В. Ук. соч. С. 468–469*).

В главе 3 «Севирианское учение о волях и действиях во Христе» показано, как от севирианской моноэнергетической формулы «единая богомужняя энергия» последователи Севира пришли к монофелитству, которое явилось отнюдь не целебным снадобьем,

способным излечить монофизитское заблуждение, а по сути той же ересью в новом облиии.

Глава 4 «Концепция ипостасного соединения в христологической системе умеренного монофизитства», с одной стороны, отличается глубиной философского анализа рассматриваемых в ней проблем, изящно дополненного в ряде случаев филологическими аргументами. Так, отец Олег четко разъяснил, что, если у свт. Кирилла и дифизитов различие божества и человечества имеет объективный характер, но может быть постигнуто лишь в воображении («примышлением»), то у Севира оно субъективно и в действительности не существует, а измышляется (с. 373–375). При этом диссертант счел необходимым указать, что, говоря о различии природ Христа в умозрении, ни один из сторонников Халкидона не пользовался глаголом διακρίνωται, который имеет более субъективный характер и обычно употреблялся Севиром (с. 379).

В заключении главы 4, переходя к сотериологии, отец Олег счел нужным подчеркнуть, что «христианское богословие никогда не рассматривалось Церковью как род чисто интеллектуальной деятельности, с древнейших времен православное богословие имело выраженный практический, сотериологический характер» (с. 401), и показать, что идея обожения, т.е. приобщения всего человечества в лице каждого его представителя к Божеству чужда монофизитам, в том числе умеренным, из-за представления о самоипостасности человечества Христа и непризнании того, что в Сыне Божиим с Божеством соединилась общая человеческая природа (с. 402–406). Отсюда проистекает такой, казалось бы частный, аспект учения Севира, как отсутствие у него (а также у его современных последователей) богословского интереса к главному христианскому таинству – Евхаристии (с. 404–405). Таким образом, рассматриваемая диссертация

никак не может быть отнесена к теолого-философским исследованиям, а имеет отчетливо выраженную практически-богословскую составляющую.

Конечно, работа такого масштаба не может не вызвать целый ряд вопросов, замечаний и пожеланий. Во-первых, в уже упоминавшейся выше таблице (с. 422–427), «где приводится сравнение христологических систем свт. Кирилла, севириан и послехалкидонских дифизитов по сорока одному пункту» (с. 421–422), в 17 пунктах, составляющих более 40%, позиция свт. Кирилла либо не выражена вообще, либо не сформулировано с достаточной определенностью. Так, может быть, лучше исключить из таблицы эти пункты. Во-вторых, ни в малейшей степени не ставя под сомнение вывод диссертанта о том, что учение свт. Кирилла остается по сути дифизитским, хотелось бы увидеть в работе более подробное разъяснение того, почему в монофизитской традиции сей отец Церкви почитается настолько сильно, что у эфиопов главный богословский труд носит его имя – *Керэллос*. Как следует понимать встречающуюся в работе оговорку о «психологическом монофизитстве» свт. Кирилла (с. 344)? Почему его 12 анафематствований Нестория и его последователей не вошли в акты Халкидонского собора?

Странно, что в диссертации, посвященной взаимоотношениям халкидонитского и умеренно-монофизитского учений в истории византийской богословской мысли важнейший вероисповедательный документ, призванный положить конец этому расколу, – «Энотикон», составленный по настоянию императора Зенона в 482 г., – упомянут всего лишь один раз и вскользь (с. 32, примеч. 1). Его, пусть краткий, но исчерпывающий анализ представляется необходимым в данной работе. Интерес диссертанта к философской проблематике понятен и оправдан. Однако не следует забывать, что для подавляющего большинства

клириков, не говоря уже о мирянах, она была недоступна и, как минимум, маловразумительна. Куда яснее ими осознавались те зримые различия между монофизитами и православными, которые звучали на каждой литургии. «Символ веры» и у нас, и у них, как известно, полностью совпадает, а вот к «Трисвятому» монофизиты делают добавку «Распныйся за ны». Интересно, что в монофизитской исторической хронике коптского епископа Иоанна Никиуского, дошедшей до нас в переводе на геэз, ее введение приписывается Севиру Антиохийскому, который в споре с константинопольским патриархом Македонием обосновывает свою позицию тем, что «распятие Бога нашего было не ради ангелов, но ради нас, людей, был распят Иисус Христос, Господь наш и Спаситель наш» и что «Дева Мария родила Бога истинного, и не другим был тот, кого родила Дева, и не другим был тот, кого распяли иудеи, но Единым и по рождеству, и по распятию, и по воскресению»¹. Представляется, что обращение к этому эпизоду способно обозначить монофизитскую суть учения Севира более зримо.

Как уже отмечалось, к числу достоинств диссертации относится умение ее автора разобрать в тонких филологических деталях. Например, установить значение формул «природное соединение» (ἕνωσις φυσική) и «соединение по природе» (ἕνωσις κατὰ φύσιν) в учении свт. Кирилла ему помогла диалектология: ведь, согласно прп. Анастасию, «у александрийцев и египтян принято употреблять слово «естественно» (φυσικὰ) для обозначения «истинной реальности вещей» (τὰ ἀληθῆ τῶν πραγμάτων), и поэтому в беседе они часто пользуются им

¹ Chronique de Jean, évêque de Nikiou / Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques, publiés par l'Institut national de France. T. 24, 1ère partie. Paris, 1883. P. 262–263 (см. русский перевод в: Франузов С.А. Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 83).

для подтверждения истинности чьих-либо слов» (с. 340). Так особенности регионального словоупотребления позволяют решить сложный богословский вопрос. Тем более странно, почему, цитируя в работе некоторые сирийские термины и выражения, отец Олег не вник до конца в их семантику. Речь идет, главным образом, о слове *gawwā* и его производных (см. с. 58, 107, 170, 177, 178, 179, 184, 334, 514). Оно относится к **базовой** лексике сирийского языка и означает «внутренняя часть чего-либо» или, в адverbальном значении, просто «внутри», «внутри»². Диссертант же в философском смысле переводит его как «общее», тогда как с того семантического поля, к которому оно принадлежит, его следует передавать как «внутренне присущее», «имманентное», а, скажем, *gawwānāyūtā* – как «имманентность». И, конечно, этот терминологический кластер стоило бы включить в Приложение 3. Надеюсь, что перед опубликованием данного исследования, чего оно несомненно заслуживает, у отца Олега будет время поразмышлять над этим предложением.

Остальные замечания носят сугубо второстепенный характер. Когда диссертант упоминает энергетизм и говорит о то, что «концепция Оствальда не подтверждается данными современной науки», он приводит ссылку на переводную работу Гартман 1906 года издания (с. 87, примеч. 3), которая уже в силу своей более чем столетней давности безнадежно устарела и к современной физике никакого отношения иметь не может. Имя богослова и священника Матта аль-Мискина (с. 408, 409) лучше передать как «Матфей» в соответствии с общим духом работы.

Впрочем, ни одно из высказанных здесь замечаний несколько не снижает высокой оценки оппонируемой работы, которая полностью

² A Compendious Syriac Dictionary founded on the Thesaurus Syriacus of R. Payne Smith / Ed. by J. PayneSmith (Mrs. Matgoliouth). Oxford, 1903. P. 62.

соответствует заявленной специальности 26.00.01 «Теология», а также отвечает всем требованиям, предъявляемым, согласно действующему «Положению о порядке присуждения ученых степеней», к докторским диссертациям, а ее автор несомненно заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора теологии.

« 29 » апреля 2019 г.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОШПОНЕНТ:

ФРАНЦУЗОВ Сергей Алексеевич,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий отделом Ближнего и
Среднего Востока – главный
научный сотрудник ФГБУН
Института восточных рукописей
Российской Академии наук;

191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18;
e-mail: serge.frantsouzoff@yahoo.fr ;
тел. моб.: +7-921-649-52-03

Подпись *С.Н. Франсузова*
УДОСТОВЕРЯЮ:

ПОДПИСЬ ДИРЕКТОРА

Гаврилова Т.А.

29.04.2019

